

Оглавление

Пролог	4
Часть 1. Curriculum vitae (жизненный круг).....	9
Родственное окружение	9
Дядюшка Д. Н. Толстой — биография «обыкновенного человека»	25
Лицейский круг	53
Круг друзей и знакомых	69
В кругу семьи	80
Часть 2. Спирали карьеры.....	90
Подъем по служебной лестнице.....	90
Синодальный круг.....	101
Подводные камни гимназической реформы	115
Крушение	126
На гребне волны.....	132
Петербургские адреса Д. А. Толстого	139
Маковская библиотека	145
Часть 3. В кругу ученых	153
Российская историческая наука в XIX в.	153
Исторические сочинения Д. А. Толстого.....	159
Публикация исторических источников.....	195
Публицистика.....	205
Часть 4. Историк во власти.....	218
Предыстория назначения	218
В президентском кресле	227
Премия имени графа Д. А. Толстого.....	241
Эпилог	266
Приложения.....	272
Приложение 1. Родословная таблица ветви рода графов Толстых, к которой принадлежал Д. А. Толстой	272
Приложение 2. Стихотворения А. Н. Плещеева, написанные в период дружбы с Д. А. Толстым	276
Приложение 3. Эпиграммы на Д. А. Толстого	279
Приложение 4. Труды гр. Д. А. Толстого.....	283
Приложение 5. Современный вид усадьбы гр. Д. А. Толстого в Маково (фото автора, 2007 г.)	286
Указатель имен	288

Пролог

31 января 1843 г. в 13 часов в Большом зале Царскосельского лицея состоялся выпускной акт — двенадцатый со дня основания. Двадцать молодых людей собрались в стенах, где проходили торжества еще со времен первого, пушкинского выпуска лицеев. Минуло четыре десятилетия с той поры, как первые ученики переступили порог Лицея, но лицейские традиции за это время почти не изменились. Согласно назначению учебного заведения, его выпускники ежегодно пополняли ряды чиновников министерств юстиции, иностранных дел и государственных имуществ. Многие из них прославились на выбранном поприще, став выдающимися государственными деятелями. Были в каждом выпуске и те, кто внес свой вклад в развитие отечественной науки, литературы и искусства.

Однако в холодный январский день 1843 г. лицеисты двенадцатого выпуска вряд ли могли предугадать свою судьбу. Несмотря на то что еще за несколько месяцев до торжественной церемонии все они сообщили в письменной форме о выбранном месте службы лицейскому начальству, а оно, в свою очередь, обменялось деловыми письмами с будущими руководителями своих питомцев, не всем юношам воображение рисовало ясные и четкие очертания дороги, начинавшейся за дверями актового зала Лицея и растворявшейся в туманной дымке надежд и тревог.

Среди тех, кто испытывал сомнения в правильности сделанного выбора, был и юный граф Дмитрий Толстой. Этот высокомерный и честолюбивый юноша принадлежал к старинному роду, очень гордился своим происхождением и старался быть первым во всем. За блестящие результаты в учении (во всем выпуске только у него были всегда самые высокие оценки — 12 баллов, и на экзамене он показал лучший результат) его имя было занесено на мраморную доску учебного заведения, а он сам награжден большой золотой медалью. Выпускное сочинение графа Толстого «О винной регалии в России до времен Петра Великого» летом прошлого, 1842 г. опубликовал один из ведущих журналов того времени — «Отечественные

записки». Такое успешное начало позволяло юноше надеяться на продолжение ученой карьеры, но для этого нужно было пройти курс в университете. Однако молодой граф не мог позволить себе дальнейшую учебу из-за отсутствия денег. В Лицее он учился за казенный счет, получил при окончании пособие — 650 руб. ассигнациями — и в ближайшее время мог рассчитывать только на 800 руб. ассигнациями в год как удостоенный IX класса Табели о рангах за блестящую учебу. На это жалованье он мог вести скромную жизнь холостого чиновника, проживая на съемной квартире, иметь кухарку, нанимать извозчика, несколько раз в год выбираться в театр (на 4-й ярус), иногда покупать книги, табак, папиросы и совершать прочие мелкие покупки.

В Лицей Дмитрий Толстой попал благодаря хлопотам двоюродного дяди, который опекал его с детства, стараясь заменить мальчику отца, нелепо погибшего из-за пьяной ссоры с соседом. Уже одно только обстоятельство гибели отца бросало тень на репутацию графа Толстого, а тут еще матушка, овдовев, вышла замуж за гувернера. В подобной ситуации родовитому аристократу лучше считать себя круглым сиротой. Дмитрий так и поступил — не встречался с матерью, из близких родственников почитал только дядю, своего крестного и тезку, Дмитрия Николаевича Толстого. Но и дядя при всем старании мог предложить племяннику лишь душевную теплоту, отеческую нежность и заботу, поскольку и сам был отягощен финансовыми проблемами. Успешная чиновничья карьера открыла ему в молодости дорогу к материальному благополучию. Служивший в Министерстве государственных имуществ Д. Н. Толстой обладал пытливым умом ученого, однако хорошо понимал, что научные труды могли принести славу, но не деньги. Дмитрий Николаевич неоднократно повторял это своему племяннику: его место не в кабинетной тиши, а в водовороте столичной жизни. Тем более первый шаг уже сделан — благодаря стараниям дяди и его знакомству с директором Канцелярии императрицы Александры Федоровны по управлению учебными и благотворительными заведениями Н. М. Лонгиновым Дмитрия Андреевича Толстого в этом ведомстве ждет должность младшего чиновника VIII класса. Но оба Дмитрия — дядя и племянник — в тот момент даже не могли представить, какие взлеты и падения готовит младшему открывавшаяся перед ним дорога.

Графу Д. А. Толстому предстоит совершить головокружительную карьеру: на протяжении четырнадцати лет он будет возглавлять Министерство народного просвещения (1866–1880 гг.) и в течение пятнадцати (1865–1880 гг.) — Святейший Синод. Переменчивая фортуна приготовит ему сокрушительный удар — неожиданную отставку в апреле 1880 г. Однако после двухлетнего забвения опальный сановник вновь будет вознесен на политический олимп. Весной 1882 г. он на девять лет встанет во главе Министерства внутренних дел (как министр) и — одновременно — ученого сословия (как президент Императорской Академии наук). На протяжении всей своей чиновничьей карьеры Д. А. Толстой сможет сочетать государственные обязанности с учеными занятиями и оставить около двадцати исторических сочинений, интерес к которым историки проявляют и сегодня. Эти две стороны своей натуры — чиновника и ученого — графу Д. А. Толстому придется примирять все 63 года чиновничьей карьеры, принимая как благосклонные отзывы о своей деятельности, так и суровую критику.

У каждого из современников Д. А. Толстого сложилось о нем свое мнение, зависевшее от степени знакомства, характера отношений и политических взглядов. Оценки эти создают целую галерею противоречивых образов: кропотливого ученого, бездарного плагиатора, талантливое администратора, пылкого влюбленного, холодного эгоиста, бескомпромиссного консерватора, пронизательно реформатора.

Еще в начале XX в. писатель К. А. Скальковский отметил, что «необходима обстоятельная биография»¹ министра. Несмотря на его критическое отношение к деятельности Толстого, как политической, так и научной, он считал, что ее «давно пора осветить <...> со всех сторон» и отмечал как курьезный факт отсутствие должного внимания к «одной из крупнейших фигур нашей государственной жизни XIX столетия» в справочных изданиях и энциклопедиях². За прошедшее столетие интерес к политической и научной деятельности Д. А. Толстого заметно вырос, и на сегодняшний день

¹ Скальковский К. Новая книга. Публицистика. Экономические вопросы. Путевые впечатления. СПб., 1904. С. 104.

² Там же.

в поле зрения исследователей оказались такие периоды деятельности графа Д. А. Толстого, как служба в Морском министерстве, руководство Министерствами народного просвещения и внутренних дел, Синодом и отчасти Академией наук³. Однако, несмотря на появление большого числа биографических очерков, «обстоятельная» и одновременно аналитически проработанная биография его так и не была написана. А между тем она служит яркой иллюстрацией многих противоречий XIX столетия, окончательно не разрешенных и в наши дни. В эпоху либеральных реформ граф Д. А. Толстой пытался найти рецепты сохранения традиционных государственных устоев и ценностей, однако попытки имели лишь кратковременный эффект. Биография этого крупного государственного деятеля проясняет картину политическую и идеологическую правительственных верхов второй половины XIX в.

Задача биографа — воссоздать целостный образ героя и его времени. Читатель найдет в этом биографическом очерке яркий колорит помещицкой жизни дореформенной и пореформенной России, описание первых шагов отечественной исторической науки, особенностей чиновничьей карьеры той эпохи, проблем просвещения и благотворительности. А. А. Половцов назвал гр. Д. А. Толстого «типичным петербургским чиновником с некоторым лоском исторического образования»⁴. Тем самым он обратил внимание на общее

³ См.: *Селиванов А.З.* Организация и хозяйственный строй пореформенного имения помещика Рязанской губернии (Гр. Д. А. Толстой как хозяин и помещик). Рязань, 1928; *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964; *Его же.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970; *Борисов А.В.* Столп реакции // *Милиция.* 1993. № 1. С. 33–36; *Его же.* Граф Толстой Д. А. // *Министры внутренних дел России (1802 — октябрь 1917).* СПб., 2001. С. 141–152; *Хотеевков В.Ф.* «Лжегосударственный человек»: Граф Дмитрий Андреевич Толстой // *Очерки истории российского образования.* Т. 2. М., 2002. С. 35–37; *Степанов В.Л.* Д. А. Толстой // *Российские консерваторы.* М., 1997. С. 233–285; *Уланова О.Н.* Дмитрий Андреевич Толстой // *Во главе первенствующего ученого сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1725–1917.* СПб., 2000. С. 180–185; *Мельников П.Ю.* Деятельность Министерства внутренних дел Д. А. Толстого: избранные аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000.

⁴ *Дневник государственного секретаря А.А. Половцова.* М., 1966. Т. 2. С. 190.

и особенное в деятельности министра. В биографии Д. А. Толстого отчетливо прослеживаются две сюжетные линии: бурные коллизии чиновничьей жизни и кабинетное затишье научных штудий. Они пересекаются, переплетаются и дополняют друг друга. Так сам жизненный путь персонажа подсказал части биографического исследования: *curriculum vitae*, спирали карьеры, в кругу ученых, в академических кругах. Начать путешествие в прошлое следует с самых истоков — родственного окружения.

Часть 1

Curriculum vitae (жизненный круг)

Родственное окружение

Древний род Толстых, как и многие другие знатные российские фамилии, ведет свое начало от выходца из Золотой Орды. В начале XIV в. монгол Тенгри (или Индрис) переселился в Московское княжество и после крещения в православную веру получил имя Леонтий. Правнук Леонтия был прозван Толстым — и постепенно, передаваясь по наследству, прозвище превратилось в фамилию¹. В начале XVIII в. выделилась графская ветвь рода Толстых. Ее основатель, Петр Андреевич Толстой, был сподвижником Петра Великого и проявил себя в дипломатии, обеспечив возвращение царевича Алексея после его бегства за границу, за что и получил графский титул. У Петра Андреевича было два сына — Иван и Петр. Иван Петрович Толстой оставил обширное потомство: пять сыновей и пять дочерей. Мы отметим только наиболее выдающихся представителей этой ветви и тех, кто имел непосредственное отношение к биографии графа Д. А. Толстого. Все они — потомки двух сыновей Ивана Петровича Толстого — Андрея Ивановича и Федора Ивановича².

Андрей Иванович Толстой имел шесть сыновей (Иван, Петр, Василий, Федор, Илья, Андрей) и четырех дочерей (Анна, Александра, Мария, Елизавета). Александра Андреевна Толстая (в замужестве — Гурьева) — прабабушка будущего министра по материнской линии. Ее племянник, сын Петра Андреевича Толстого, — знаменитый медальер, вице-президент Императорской Академии художеств — Федор Петрович Толстой. Внук Петра Андреевича — Алексей Константинович Толстой — известный поэт и писатель. Один

¹ Петров П. Н. История родов русского дворянства. Т. II. М., 1991. С. 158.

² См. Родословную таблицу в Приложении 1.

из шести сыновей Андрея Ивановича Толстого — сенатор граф Федор Андреевич — известный библиограф и собиратель старинных книг и рукописей, завещавший свою коллекцию Публичной библиотеке. Его брат — Илья Андреевич — дед Льва Николаевича Толстого. Таким образом, министр Д. А. Толстой, писатель Л. Н. Толстой и поэт А. К. Толстой были дальними родственниками.

Родной брат Андрея Ивановича Толстого, Федор Иванович, оставил трех сыновей: Андрея, Степана и Николая. Дед будущего министра по отцовской линии, отставной бригадир Степан Федорович Толстой — правнук первого графа Толстого.

С. Ф. Толстой, родившийся 6 апреля 1756 г., был хорошо образованным для своего времени человеком, т. е. умел говорить на трех иностранных языках: французском, немецком и (что весьма примечательно) голландском. Голландский язык, уже не столь распространенный в России в конце XVIII в. по сравнению с началом столетия, ему пришлось выучить по долгу службы, когда он пробыл около года в Гааге, представляя интересы Российской империи при Нидерландских генеральных штатах. Степан Федорович был не только исполнительным чиновником, но и весьма предприимчивым человеком. Он сумел увеличить незначительное состояние, доставшееся ему от отца, удачно женившись и занимаясь предпринимательством. В Орловской и Симбирской губерниях у него было несколько винокуренных заводов, приносящих в то время неплохой доход, так что Степан Федорович обеспечил своему многочисленному семейству безбедное существование, а детям пригласил гувернеров-французов, что считалось признаком достатка. В конце XVIII в. Россию наводнили эмигранты, бежавшие от произвола Французской революции, среди которых были сначала аристократы, а после прихода к власти Наполеона — якобинцы. Все они находили в России не только приют, но и заработок. мода на все французское, включая язык и образование, распространившаяся в тот период, позволяла практически любому представителю этой нации получить место домашнего учителя в семьях российских дворян, поскольку главным критерием при поиске воспитателя для своих детей родители полагали не профессионализм претендента, а его национальность. Нередко гувернеры ничему не могли научить своих воспитанников. Но, по-видимому, Степан Федорович ответственно

подошел к выбору учителей, так как окружающие считали, что его дети получили самое лучшее по меркам того времени образование.

Степан Федорович был похоронен в Задонске, возле могилы св. Тихона Задонского, русского подвижника и мыслителя, особо чтимого в семействе Толстых, с которым, по семейному преданию, он был лично знаком. Жена Степана Федоровича, Александра Николаевна Щербатова, принеся ему богатое приданое, напротив, не только не блистала образованием (она с трудом подписывала свое имя, что было тогда нередким явлением), но и, по мнению родственников, не отличалась житейским умом. У них были веские основания для последней характеристики: Александра Николаевна из-за своей расточительности не смогла после смерти мужа сберечь оставленное ей состояние. Она поселилась в Москве, приобретя дом, по которому затем весь переулочек стали называть Толстовским, следуя неписанному закону топонимики того времени.

У Степана Федоровича и Александры Николаевны было девять сыновей: Степан, Владимир, Федор, Михаил, Александр, Николай, Всеволод, Андрей, Петр — и три дочери: Аграфена, Елизавета и Александра.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что в 1825 г. некоторые члены этого большого и знатного рода, жившие в Петербурге, оказались причастны к декабрьскому восстанию. Офицеры, вышедшие 14 декабря на Сенатскую площадь, были связаны родственными и дружескими отношениями со многими дворянскими семьями, поэтому неудивительно, что после выступления декабристов начались массовые аресты и обыски в домах петербургской знати. Внучка Александры Николаевны, красавица Сашенька (ее мать — Елизавета Степановна Толстая, отец — Григорий Сергеевич Салтыков) в 1823 г. вышла замуж за Павла Ивановича Колошина. У нее не было отбоя от знатных и богатых женихов, однако она выбрала этого двадцатичетырехлетнего красивого, умного, образованного, но небогатого и не обещавшего высокого положения молодого человека, состоявшего под особым покровительством московского военного губернатора кн. Д. В. Голицына.

П. И. Колошин начал военную службу в 1812 г. колонновожатым в свите по квартирмейстерской части, мог сделать хорошую военную карьеру, став в 1815 г. офицером Гвардейского генерального штаба.

Однако он выбрал гражданскую службу, для которой ему необходимо было заняться своим образованием. В течение 1817 г. П. И. Колошин посещал лекции в Петербургском университете, в 1821 г. брал уроки у профессоров Московского университета. К моменту женитьбы Павел Иванович занимал должность советника 2-го департамента Московской палаты гражданского суда, а в апреле 1825 г. был назначен советником Московского губернского правления³. Молодые были счастливы, ожидая прибавления семейства, как вдруг после 29 декабря П. И. Колошин был арестован, доставлен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Полгода (со 2 января по 13 июня 1826 г.) он содержался в № 14 Кронверкской куртины. Поводом для ареста послужила дружба П. И. Колошина с декабристом И. И. Пуцциным. Павел Иванович состоял в преддекабристских организациях (Священной артели и Союзе спасения), был членом Коренного совета Союза благоденствия и Московской управы Северного общества⁴, в 1824 г. И. И. Пуцин показал ему проект Общества соединенных славян. Смягчающим обстоятельством послужило то, что П. И. Колошин не присутствовал на собраниях, где велась речь о судьбе членов императорской семьи, а после роспуска Союза благоденствия не принимал активного участия в декабристских организациях, ответив в 1824 г. Пуцину, что ему «до этого дела нет»⁵. Немаловажную роль сыграло и самообладание молодого человека, на провокационные вопросы «отзывавшегося забвением памяти»⁶.

За недоказанностью участия в заговоре П. И. Колошина освободили в июле 1826 г., когда по делу декабристов были вынесены приговоры, но все же оставили «в сильном подозрении», за что и последовало ограничение в правах. Он был отставлен от службы «с запрещением въезда в обе столицы»⁷. П. И. Колошин с семьей поселился в своем имении Смольново Владимирской губернии, где над ним был установлен секретный надзор.

³ Декабристы и лица, привлеченные к следствию по делу о тайных обществах // Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 82–83.

⁴ Там же.

⁵ Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ... [А. Д. Боровкова] // Декабристы. Биографический справочник. С. 265.

⁶ Там же. С. 265, 317.

⁷ Декабристы. Биографический справочник. С. 83.

Семейное предание приписывало удачное разрешение этого дела находчивости тетки Александры Григорьевны Колошиной, Аграфены Степановны Толстой, энергичной старой девы, приехавшей после известия об аресте П. И. Колошина в московский дом своей племянницы и успевшей сжечь все бумаги ее мужа, которые по какой-то оплошности не были увезены вместе с арестованным. Все то время, что муж был в заключении, Александра Григорьевна не находила себе места. От переживаний она долго не могла прийти в себя, никого не узнавала, ее состояние усугублялось ожиданием ребенка. Но стараниями матери и тетки молодая женщина поправилась и смогла мужественно встретить новые испытания. После пребывания в каземате зрение мужа стало стремительно ухудшаться и, несмотря на лечение (супругам было даже разрешено выезжать в Петербург и Москву для визитов к врачам), через десять лет П. И. Колошин ослеп. Испытания еще больше сплотили эту семью, Колошины производили впечатление счастливой и жизнерадостной пары⁸.

Александра Григорьевна Колошина приходилась Д. А. Толстому одновременно двоюродной сестрой по отцовской линии и четвероюродной теткой по материнской. Она стала хранительницей семейных традиций рода Толстых, ее гостеприимный дом был открыт для родственников. С младшей дочерью Колошиных, Софьей, в детстве дружил Л. Н. Толстой⁹ (четвероюродный брат Александры Григорьевны). А. Г. Колошина поддерживала отношения с матерью Д. А. Толстого, Прасковьей Дмитриевной, после смерти которой в 1849 г. к ней перешли портреты Степана Федоровича и Андрея Степановича Толстых — деда и отца Дмитрия Андреевича. В 1857 г. Д. А. Толстой через своего двоюродного брата М. В. Толстого обратился к Александре Григорьевне с просьбой переслать ему семейные реликвии, чтобы снять с них копии¹⁰.

В конце 1818 г. произошел раздел наследства Степана Федоровича Толстого. Доля состояния, уже частично потраченное матерью,

⁸ Толстой М. В. Мои воспоминания // Русский архив. 1881. Т. I. С. 266.

⁹ Декабристы. Биографический справочник. С. 83.

¹⁰ Письмо Д. А. Толстого М. В. Толстому от 21 января 1857 г. // Государственный архив Рязанской области (далее ГАРО). Ф. 1468. Оп. 1. Д. 14. Л. 19 — 19 об.

наследники повели себя не самым достойным образом, рассорились и перестали общаться друг с другом. Это была обычная родственная коллизия: накопленные в XVIII в. большие состояния, источником которых была государственная служба, удачный брак или предприимчивость, в XIX столетии дробились при разделе между наследниками. В результате доля каждого из них была слишком мала, чтобы обеспечить достаток многочисленному потомству. Поэтому при дележе наследства нередко родственные чувства отступали перед меркантильными соображениями. Сыновья Степана Федоровича получили имения, как родовые, так и приобретенные их отцом, дочери остались жить с матерью. Андрею Степановичу Толстому (отцу будущего министра), в то время служившему в гусарах, досталось старинное родовое поместье Шелбово Владимирской губернии, недалеко от Суздаля, принадлежавшее роду Толстых еще с начала XVII в., когда с 1621 по 1625 г. суздальским воеводой был Василий Иванович Толстой. Андрей Степанович был известен своей храбростью, не раз демонстрировал ее на полях сражений во время Отечественной войны 1812 г., за что был отмечен многими наградами. Это обстоятельство, как и то, что он был не суеверен и чужд мистицизма, послужило причиной одного курьезного случая, происшедшего с ним и его племянником Михаилом в июле 1830 г. Среди Толстых было принято уделять большое внимание религиозному воспитанию детей, для чего они обращались к преподавателям Московской духовной академии, располагавшейся в Троице-Сергиевой лавре. Дети и родители во время учебы жили в монастырской гостинице. Михаил Владимирович брал уроки у известного русского религиозного философа, профессора Федора Александровича Голубинского, а Андрей Степанович приезжал в Сергиев Посад из Москвы, как и все верующие люди, посетить святое место. В один из приездов, гуляя по территории монастыря, у Красной башни он услышал какие-то звуки, похожие на стоны. Думая, что кто-то нуждается в помощи, он поспешил подняться по ступеням наверх. Несмотря на то что стоны усиливались, поднявшись на вершину башни, Андрей Степанович никого там не нашел. Звуки необъяснимого происхождения навели на него ужас, он поспешно спустился и, бледный и смущенный, предстал перед Михаилом Владимировичем. Происшедшее приобрело еще более мрачный оттенок после того,

как выяснилось, что в тот самый день восемь лет назад в Красной башне свел счеты с жизнью один из студентов семинарии. В рассказе штабс-капитана, человека смелого, не раз смотревшего в лицо смерти, никто не усомнился, поэтому многие поверили, что «душа несчастного самоубийцы приходила стенать на то место, где насильственно разлучилась с телом»¹¹. Сам Андрей Степанович, несмотря на скептическое отношение к существованию потусторонних сил, удовлетворялся этим объяснением. Позднее выяснилось, что виной всему были сквозняки, гулявшие по башне. Когда от них избавились, плотно закрыв одну из дверей, «стоны» прекратились.

Андрей Степанович не был склонен к рефлексии и анализу фактов, в этом он походил на свою мать. От матери он также унаследовал беспечный нрав и тягу к развлечениям. Выйдя в отставку после раздела наследства и поселившись в имении, он стал вести праздную жизнь, проводя время в разъездах и навещая родных и двоюродных братьев, предаваясь забавам, шалостям и проказам, на изобретение которых был большой мастер. Однако не всегда его проделки были безобидны для окружающих. Михаил Владимирович описал еще один случай, произошедший у него на глазах. Андрей Степанович, приехав погостить к своему старшему брату Владимиру в доставшееся тому имение Каменку, отыскал где-то старую пушку и решил развлечься стрельбою, не слушая никаких разумных увещаний об опасности такого времяпрепровождения и не принимая во внимание ветхость орудия. Затем он приказал почистить ствол пушки проходившему мимо ключнику Федору Лукину, причем не полагаящимся для этой процедуры банником, которого не оказалось под рукой, а простой палкой. Как бывший военный, А. С. Толстой должен был предвидеть опасные последствия такой небрежности. Его легкомыслие стало причиной несчастья: во время чистки порох, попавший в трещину дула, взорвался, и несчастный слуга на всю жизнь остался калекой с изувеченной рукой¹².

Приезжал Андрей Степанович и к своему дяде, Николаю Федоровичу Толстому в его имение Знаменка Рязанской губернии.

¹¹ Толстой М. В. Мои воспоминания // Русский архив. 1881. Т. I. С. 305.

¹² Там же. С. 270.

Этот визит, затеянный ради знакомства, нарушил привычный уклад жизни провинциального семейства и повлиял на судьбу одного из сыновей Николая Федоровича, Дмитрия Николаевича Толстого, став важной вехой в его биографии. Благодаря воспоминаниям Д. Н. Толстого, относящимся к 1820 г., мы можем представить, какое впечатление на окружающих производил в молодости Андрей Степанович: «...приехали к нам из Москвы двое из наших двоюродных братьев. <...> Один только что вышедший в отставку из военной службы, а другой недавно женившийся и бывший тогда камер-юнкером. Оба они были красивой наружности и носили щегольское платье, какого мы до того времени не видывали. На одном был светло-голубого цвета фрак, с перламутровыми, украшенными бронзою, пуговицами, планшеты панталоны в сапоги à l'écuyère, а другой, при зеленом с искорками фраке, носил белые панталоны и цветной галстук. Я полюбил их от всей души, и они были чрезвычайно ласковы; но меня крайне конфузили их французские фразы. Приезд их к нам произвел важную перемену в нашей жизни. Они уговорили оставить деревню и поселиться в Москве»¹³. Отставной военный — Андрей Степанович Толстой, вместе с ним визиты родственникам наносил его младший брат Петр, женившийся в 1819 г. и получивший перед свадьбой звание камер-юнкера. М. В. Толстой также упоминает об их приезде в Каменку около 1820 г. А. С. Толстой предстает светским щеголем, поразившим воображение юного провинциала не только своей внешностью, но и характерным для московского дворянства «смешением языков: французского с нижегородским», отмеченным А. С. Грибоедовым.

Итак, А. С. Толстой был типичным светским молодым человеком: остроумным, одетым по последней моде и, так же как пушкинский Онегин, «по-французски совершенно мог изъясняться и писал, легко мазурку танцевал да кланялся непринужденно». Очевидно, что общительный и привлекательный владелец имения, пусть и небольшого, считался в Москве хорошим женихом. Да и в старой столице у него был собственный дом — на Сивцевом Вражке — поэтому

¹³ Толстой Д. Н. Автобиография обыкновенного человека // Русский архив. 1912. Т. I. С. 332–352.

неудивительно, что он вскоре женился. Его избранница, Прасковья Дмитриевна Павлова, была хороша собой и обладала веселым нравом, но женитьбе препятствовало дальнейшее родство молодых людей: Прасковья Дмитриевна приходилась Андрею Степановичу внучатой племянницей (ее бабка — Александра Андреевна Толстая)¹⁴. Мнения родственников разделились: у большинства намечавшийся союз вызывал «благочестивое негодование», но мать Прасковьи Дмитриевны, Наталья Сергеевна Павлова, из-за своих причуд слышная большой оригиналкой, пренебрегла общественным мнением и устроила этот брак¹⁵. Однако его нельзя было назвать удачным, несмотря на сходство характеров супругов (а может быть, как раз из-за него). После женитьбы Андрей Степанович так и не остепенился, а Прасковья Дмитриевна, будучи намного моложе своего мужа, судя по всему, не имела на него большого влияния. Ни на военной службе, ни после выхода в отставку А. С. Толстой не смог поправить свои денежные дела, да и не стремился к этому, продолжая вести привычную праздную жизнь, часто уезжал из Москвы и, как в молодые годы, навещал двоюродных братьев и племянников. Неудивительно, что в юности его сын, Д. А. Толстой, с трудом сводил концы с концами и, иногда не имея денег даже на обед, напрашивался в гости к знакомым. Дмитрий, появившийся на свет 1 марта 1823 г., был старшим ребенком в семье, о его брате Всеволоде известно только, что он был младше на год, много болел и умер девятнадцатилетним юношей.

В семейной переписке XIX в. и в монографии современного исследователя Н. Толстого упоминается еще одна родственница Дмитрия Андреевича Толстого — орловская помещица Елизавета Андреевна, в замужестве — Петровская. Н. Ф. Боборыкин (сосед Е. А. Петровской по имению), пишущий своей сестре, и Н. Толстой, пересказывающий семейные предания, называют Елизавету Андреевну сестрой Д. А. Толстого. Н. Толстой пишет, что Дмитрий Андреевич был опекуном ее дочери Марии¹⁶. По сведениям

¹⁴ См. Родословную таблицу в Приложении 1.

¹⁵ Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 5. С. 17.

¹⁶ *Tolstoy N. The Tolstoy: twenty-four generations of Russian history.* New York, 1986. P. 186.

Н. Ф. Боборыкина, у Елизаветы Андреевны, рано овдовевшей, было трое сыновей¹⁷. Рязанский историк А. З. Селиванов по материалам хозяйственного архива Д. А. Толстого, не дошедшим до нас, установил, что к своему племяннику, Льву Николаевичу Петровскому, советнику Рязанского губернского правления, Д. А. Толстой иногда обращался с поручениями по управлению рязанским имением Маково¹⁸. Сведения о Елизавете Андреевне не попали в официальные справочники, что не дает возможности установить, насколько близким было родство Петровской с министром.

Мы не располагаем также сведениями о детстве Д. А. Толстого, атмосфере, царившей в родительском доме, об играх и забавах двух братьев. Вероятно, сам Дмитрий Андреевич не любил вспоминать о том времени, он не был привязан к родителям, и отчий дом не казался ему уютным. Отец много времени проводил вне семьи, мало интересовался родными детьми, а мать была слишком молода, чтобы серьезно относиться к родительским обязанностям. В дворянских семьях в начале XIX в. родители редко сами занимались воспитанием детей, сдавая их на руки гувернеру-иностранцу или дядьке из крепостных. Поэтому у родителей и детей часто не складывались доверительные отношения.

Образ жизни Андрея Степановича стал причиной его гибели. В 1830 г. на пирушке с соседями, слишком много выпив, он намекнул одному из них, что состоит в связи с его женой. Оскорбленный муж потребовал извинений и, получив отказ, выстрелил в обидчика из пистолета. Эта история получила огласку: соседи по имени передавали ее своим столичным знакомым¹⁹. Известно, что Прасковья Дмитриевна недолго оставалась вдовой, вступив в брак с гувернером, Василием Яковлевичем Венкстерном, с которым она познакомилась в доме своей матери уже после замужества.

¹⁷ Из письма Н. Ф. Боборыкина к своей сестре Юлии от 9 марта 1856 г.: «Ежели это сын графа Андрея Степановича, то у него должна быть сестра, наша помещица Елизавета Андреевна, вдова с тремя сыновьями, она была замужем за Петровским, с которой мы знакомы» (ГАРО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 14. Л. 3).

¹⁸ Селиванов А. З. Организация и хозяйственный строй... С. 33.

¹⁹ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. (1848–1896) // Феоктистов Е. М. Воспоминания. М., 1991. С. 166.

Ее матушка, Наталья Сергеевна Павлова, рано овдовела, и, выдав свою единственную дочь замуж, тоже вступила в новый брак. Конечно, родственники осудили поспешное — сразу после свадьбы дочери — замужество. Негодование вызвал и «преклонный», по меркам того времени, возраст невесты — 38 лет. Но самой непростительной ошибкой Натальи Сергеевны, с точки зрения Толстых, был неравный брак: ее второй супруг, Федор Васильевич Окуньков, был всего лишь губернский секретарь. Дмитрий Николаевич Толстой, живший в то время в Москве, особо отметил это обстоятельство. «Уважение к чинам и презрение к статской службе было тогда так сильно, что против этого последнего обвинения никто не возражал, и с ним соглашались даже люди, самые расположенные к Наталье Сергеевне»²⁰. Об этой характерной черте московского высшего общества язвительно отозвался А. С. Грибоедов: «От нас потребуют с именем быть и в чине». А. С. Толстой был «более чем в холодных отношениях» с Ф. В. Окуньковым (возможно, этому способствовало еще и то, что после смерти Натальи Сергеевны 150 душ крестьян получил ее супруг²¹, а не дочь и зять, находившиеся все время в стесненных обстоятельствах). Однако Прасковья Дмитриевна не разделяла эту неприязнь и навещала мать. Понятно, что круг знакомых супружеской четы Окуньковых был немногочислен, в основном его составляли друзья Федора Васильевича. Среди них светскими манерами и образованием выделялся Яков Христофорович Венкстерн. Василий Яковлевич Венкстерн был его родственником и с его помощью получил место учителя в доме Прасковьи Дмитриевны, а потом сумел найти путь к сердцу молодой вдовы (ей было всего 24 года). Как уже было сказано выше, клан Толстых всегда резко осуждал подобные мезальянсы, очевидно, с высоты графского титула, и, тем не менее, они случались в их семье довольно часто. Найти себе спутника жизни в узком аристократическом кругу в середине XIX в. стало уже сложно, представители знатных родов даже заключали родственные браки, пренебрегая общественным

²⁰ Из записок графа Д. Н. Толстого. С. 19.

²¹ Серков А. И. Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1027.

и церковным мнением и законами природы, поэтому они стали обращать внимание на людей невысокого происхождения. Чуть раньше, в 1830 г., мать М. В. Толстого, Прасковья Николаевна, овдовев, вышла замуж за учителя сына, П. И. Красильникова, после чего ее отказался принимать у себя даже родной дядя, до того времени благоволивший племяннице, и родственники первого мужа, Петр Степанович и Андрей Степанович Толстые. Да и сам Михаил Владимирович не одобрял решение матери, несмотря на то что отчим очень хорошо к нему относился. Со временем только нежная сыновья любовь помогла ему найти оправдания поступку близкого ему человека. Дмитрий Андреевич, напротив, разделил общую негативную реакцию родственников на вторичное замужество своей матери. Д. А. Толстой впоследствии стал верным мужем и любящим отцом, но чувство сыновней любви, скорее всего, было ему чуждо. Прасковья Дмитриевна, рано выйдя замуж, в семнадцать лет уже стала матерью. Она не была готова к раннему материнству, и с сыном не сложились близкие, теплые отношения. Формальные, не согретые теплотой семейные узы были легко разорваны под давлением общественных предписаний, на соблюдении которых так настаивали все Толстые. Прасковья Дмитриевна недолго прожила после этого — она умерла в 1849 г. П. Д. Толстой-Венкстерн было всего 43 года, но семейные неурядицы надломили ее здоровье. Сын Дмитрий находился в это время в Западном крае в служебной командировке, которую не стал прерывать, чтобы приехать на похороны матери, так и не простив ей вторичное замужество. В наследство ему осталось разоренное имение Павловка во Владимирской губернии, которое было отдано кредиторам в уплату долгов Прасковьи Дмитриевны. Об убыточности Павловки свидетельствует переписка Толстого со своим двоюродным братом Михаилом Владимировичем в 1856 г. М. В. Толстой сообщал родственнику, что, по слухам, все наследство состояло из «100 заложенных душ и 8 тыс. сер. долга»²². Дмитрий Андреевич решил отказаться от убыточного наследства.

²² Письмо М. В. Толстого Д. А. Толстому от 16 января 1857 г. // ГАРО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 14. Л. 18 об.